

УДК 81'37

ББК 81.006.3+81.053

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

И. В. Кирилова

Екатеринбург, Россия

[Metadata, citation and similar papers at core.ac.uk](https://core.ac.uk)

ve USPU

АННОТАЦИЯ. *Рассматривается комплексная лингвокультурологическая модель описания демонологической лексики, включающая в себя структурно-семантический, ономасиологический, психолингвистический и этнолингвистический аспекты. В качестве примера анализируются номинации домового.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лингвокультурологическая модель, семантическая структура, принцип номинации, народная культура, демонологема, домовый.*

Сведения об авторе: Кирилова Ирина Владимировна, кафедра общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: irishakuz@yandex.ru

I. V. Kirilova

Ekaterinburg, Russia

LINGUOCULTURAL MODEL OF DESCRIPTION OF DEMONOLOGICAL VOCABULARY

ABSTRACT. *The article deals with the complex linguocultural model of description of demonological vocabulary, which includes structural semantic, onomasiological, psycholinguistical and ethno-linguistical aspects. Different nominations of the goblin are analyzed in the article.*

KEY WORDS: *linguocultural model, semantic structure, principle of nomination, ethnoculture, demonologeme, goblin.*

About the author: Kirilova Irina Vladimirovna, Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

В лингвистике существуют разные аспекты описания языковых фактов.

Системно-структурный аспект предполагает выделение в структуре значения языковой единицы сем и определение их статуса (Л. М. Васильев, И. А. Стернин и др.); определение иерархии сем, нейтральных и стилистически маркированных, а также определение типов системных отношений единиц лексико-семантического уровня.

Ономасиологический аспект подразумевает описание группы имен через принципы, способы и средства номинации и отнесение их к определенному ономасиологическому классу (Н. Д. Голев, М. Э. Рут, И. С. Торопцев и др.).

Психолингвистический подход применяется при построении ассоциативных полей и выявлении в них ядра и периферии, т. е. актуальных и неактуальных ассоциаций, связанных с понятием, лежащим в основе данного ассоциативного поля (А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, А. А. Леонтьев, Р. М. Фрумкина и др.).

Этнолингвистический аспект представляет объединение лингвистического и этнографического компонентов для создания определенной модели интерпретации, которая ориентирована на отражение национально-культурных стереотипов сознания, связанных с восприятием (и шире — функционированием) единиц отдельных фрагментов лингвокультурного пространства (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, В. Н. Топоров, В. В. Иванов, Е. Л. Березович и др.).

Каждый из перечисленных аспектов порождает свою модель описания демонологической лексики. Поскольку лингвокультурологический аспект изучения демонологем предполагает выявление культурной информации в языковых знаках, то логичным является применение **комплексной лингвокультурологической модели** анализа демонологической лексики, в которой находят отражение вышеуказанные подходы.

В качестве примера рассмотрим ряд лексем, обозначающих популярного демонологического персонажа — **домового**. Семантическая структура данной демонологемы включает следующие компоненты: 'домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи,

здоровье людей и животных, плодородие' [СД, т. 2: 120]; 'персонаж низшей демонологии, домашний дух, хранитель дома, незримый помощник хозяев. Обычно доброжелателен по отношению к человеку. Помогает трудолюбивым и вредит ленивым' [РС: 141]. В традиционной народной культуре *домовой* имеет множество обозначений: *баган, батаман, белун, бестенный буга, буканко, буканушко, большак, гнеток, другая половина, дед, бабушка, домовид, домовик, домовитель, домовушко, доможил, домоседушко, жихорь, жихорюшко, жировик, кормилец, кормильчик, лизун, милак, мохнач, подпечник, полуденный домовой, полуночник, постен, привал, сам, суседко, хозяин, хозьяйнушко и др.*

Структурно-семантическая модель ориентирована на выявление компонентов семантической структуры демонологемы.

С точки зрения выраженности — невыраженности семантического компонента значения во внутренней форме или структуре слова: эксплицитный компонент значения находит свое отражение в прозрачной внутренней форме (ср. *домовой* ← дом) и через нее в принципе номинации: по месту обитания мифического существа. Имплицитный компонент значения в структуре не представлен.

С точки зрения степени абстрактности — конкретности признака: идентифицирующая сема данной демонологемы — *персонаж низшей демонологии*. Дифференциальные семы: 1) родовое включение понятия — *дух*; 2) место обитания — *домашний*; 3) функции — *хранитель, покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие*; 4) отношение к человеку — *обычно доброжелателен, помогает трудолюбивым, вредит ленивым*.

С точки зрения обязательности — необязательности семантического компонента в структуре лексического значения слова: обязательными в структуре демонологемы являются ядерные, понятийные компоненты: *домашний дух, хозяин и покровитель дома*; необязательные, коннотативные компоненты явно не представлены.

С точки зрения характера отношений между компонентами: парадигматические отношения проявляются в следующих семантических оппозициях:

- видо-видовые отношения на основе гендерных противопоставлений: *домовой* — *домаха, домовая, домовилиха* 'добрый

или злой дух в образе женщины, живущий в доме; жена домового' [СРНГ, т. 8: 119];

- родо-видовые отношения на основе «старший — младший»: *домовой* — *домови́нка* 'дочь доброго или злого духа, живущая в доме' [СРНГ, т. 8: 120].

С точки зрения уровневой организации языка: представлен лексический компонент, т. к. демонологема выражена лексемой.

Ономасиологическая модель позволяет выявить актуальные для носителя языка признаки мифического существа, отраженные в его названиях. Обозначения *домового* в зависимости от мотивационного признака, положенного в основу наименования, можно отнести к разным принципам номинации:

- номинация по месту обитания нечистой силы: *домово́й*, *доможи́л*, *домови́к*, *домови́д*, *домову́шко*, *домови́тель*, *домоседушко* — 'дух, обитающий в доме' [СРНГ, т. 8: 120—121]; *подпечник* — 'домовой', живущий под печкой [СРНГ, т. 27: 135];

- номинация по внешнему виду персонажа: *белун* 'домовой, с белой бородой, в белом саване, с белым посохом' [СРНГ, т. 2: 228], *мохнач* 'весь покрытый шерстью, мохнатый' [СРНГ, т. 18: 310], *посте́нь* 'домовой, который является в виде тени на стене' [СРНГ, т. 30: 225];

- номинация по характерным действиям персонажа: *лизу́н* 'зализывает волосы у любимой скотины или у хозяев дома' [РС: 306]; *жирови́к* 'домовой, который любит достаток, жирует в доме' [РС: 175]; *гнето́к* 'домовой, который по ночам «гнетет», давит людей' [РС: 127];

- номинация по времени появления персонажа: *полуденный домовой* 'домовой, появляющийся в полдень' [СРНГ, т. 29: 43], *полуночник* 'домовой, который в полночь обходит всю деревню и возится по задворкам' [СРНГ, т. 29: 156];

- номинация на основе проекции родственных отношений человека на способ существования нечистой силы: *больша́к*, *дедушка*, *корми́лец*, *корми́льчик*, *хозяин*, *хозяи́нушко*, *сосе́дка* 'домовой' [СРНГ, т. 3: 87, т. 7: 331, т. 14: 336, т. 40: 41]. В данном случае домовому приписываются свойства человека: хозяин владений, дома, глава семьи. Поскольку в старину домового очень почитали, то статус главы дома, семьи закономерен и оправдан. Подобные номинации можно рассматривать как эвфемистические замены табуированных имен демонологических персонажей, употребление которых считалось нежелательным,

чтобы не привлекать, не гневить нечистую силу. Называние демонологических персонажей «человеческими» именами считалось своеобразной формой «задабривания» нечистого духа.

Психолингвистическая модель позволяет выявить актуальные признаки ассоциативной структуры значения демонологемы для современного носителя языка. По отношению к демонологеме *домовой* ядро составляют ассоциаты, выражающие место обитания, внешний вид, возраст и характер отношения к человеку, т. е. те признаки, которые отражены в словарных толкованиях. Поскольку *домовой* относится к числу наиболее популярных мифических персонажей, носители языка опираются, прежде всего, на свои знания, представления о нем, полученные из мультфильмов, литературных произведений, фольклора (например, самым распространенным героем является домовенок Кузя).

Этнолингвистическая модель ориентирована на выражение национально-культурных стереотипов сознания носителей языка. В этнолингвистических исследованиях большое значение придается мотивации слова, которая указывает на способ видения носителя языка, связывающего реалии окружающего мира или маркирующего ряд единиц одними и теми же языковыми средствами. «Обращение к изучению внутренней формы слова дает исследователю возможность проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир» [Вендина 1998: 10]. Знание, которое дает внутренняя форма, можно считать наиболее объективированным, поскольку оно «срастается» с самой устойчивой, субстанциональной частью языка — языковой формой» [Березович 2000: 34].

В традиционной народной культуре существуют определенные обряды, цель которых — заручиться поддержкой домового, не озлобить его. Например, при переезде в новый дом необходимо было, перекрестившись в красном углу, обернуться к дверям и сказать: «Хозяин домовый, поедем в дом со мной». Кроме этого, существовал обычай угощать домового 25 января. Ему оставляли на ночь на загнетке горшок каши и приговаривали: «Хозяин-батюшко, побереги скотинку» или «Домовишко-дедушко, всех пои, корми овечушек, ладь ладно, гладь гладко и стели мягко», в полночь домовый выходит и кушает, после чего весь год может быть добрым [РС: 156—159]. Многочисленные

ритуальные действия, связанные с обращением к домовому, выступают как своеобразные нормы-регламентации взаимодействия человека со сверхъестественными силами. Эти ритуалы отражают своеобразие наивной категоризации мира, свойственной пралогическому мышлению (см. Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Э. Кассирер и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. — Екатеринбург, 2000.

Вендина Т. А. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). — М., 1998.

Власова М. Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. — СПб., 2000.

Кирилова И. В. Сакральная символика традиционной народной культуры как средство воздействия в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 1(35). 2011. С. 135—138.

Коновалова Н. И. Лексические фрагменты языковой картины мира в свете ментальности диалектоносителя (исследовательский проект) // Уральский филологический вестник. Вып.5. — Екатеринбург, 2012. С. 42—61. Серия. Психоллингвистика в образовании. Вып. 1.

Коновалова Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка // Филологический класс. № 3(29). 2012. С. 5—12.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. — М., 1995.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. — М.; Л., 1965—1998.